

осуществляющих деятельность медиатора на профессиональной основе, на выработку соответствующих компетенций. Основное значение в данном процессе должно отводиться образовательным организациям, разрабатывающим и реализующим соответствующие образовательные программы. Использование же указанных профессиональных требований, например, работодателями для «присвоения тарифных разрядов работникам и установления систем оплаты труда» вряд ли возможно. Учитывая специфику и принципы процедуры медиации, особенности навыков и умений, которыми должен обладать медиатор, соблюдение профессиональных требований затруднительно выявить третьим лицам, не участвующими в медиации. Даже наличие положительного результата в процедуре урегулирования споров с участием посредника не является однозначным критерием для оценки профессиональной «пригодности» медиатора.

Список использованных источников

1. Об альтернативной процедуре урегулирования споров с участием посредника (процедуре медиации): Федеральный закон, 27 июля 2010 г., № 193-ФЗ: в ред. Федерального закона от 23 июля 2013 г. // Собрание законодательства РФ. – 2010. – № 31. – Ст. 4162.

2. Об утверждении профессионального стандарта «Специалист в области медиации (медиатор)»: Приказ Мин-ва труда России, 15 дек. 2014 г., № 1041н // Справочная правовая система «Консультант Плюс» [Электронный ресурс].

3. О правилах разработки, утверждения и применения профессиональных стандартов: постановление Правительства РФ, 22 янв. 2013 г., № 23 // Собрание законодательства РФ. – 2013. – № 4. – Ст. 293.

О.Н. Шеменева, канд. юрид. наук, доцент,

Воронежский государственный университет (г. Воронеж, Российская Федерация)

РОЛЬ СОГЛАШЕНИЙ СТОРОН В ОПРЕДЕЛЕНИИ ПРАВИЛ ДОПУСТИМОСТИ ДОКАЗАТЕЛЬСТВ В ГРАЖДАНСКОМ И В АРБИТРАЖНОМ ПРОЦЕССЕ

Одной из характерных черт гражданской процессуальной формы, как известно, является ее нормативность: порядок рассмотрения и разрешения гражданских дел регламентирован нормами гражданского процессуального законодательства, и в процессе допускается совершение только тех действий, которые прямо предусмотрены законом. Однако в последние годы ученые различных государств предпринимают попытки некоторого переосмысления данного тезиса и задумываются над вопросом о допустимости изменения законодательно установленных процессуальных правил на основании соглашения сторон [1, 368 с; 2, с. 30–32; 3, с. 167–183; 4, с. 77–81].

В этом плане не являются исключением и правила допустимости доказательств: как общие, так и специальные. И законодательство РФ, а также сложившаяся на его основе правоприменительная практика, располагают рядом примеров, позволяющих утверждать, что договоренности сторон могут изменять и данную группу процессуальных правил.

1. Одним из таких примеров является положение ст. 75 АПК РФ, которая в исключение из общего правила о том, что письменные доказательства представляются в арбитражный суд в подлиннике или в форме надлежащим образом заверенной копии, перечисляет основания, по которым в качестве письменных доказательств допускаются документы, полученные посредством факсимильной, электронной или иной связи, в том числе с использованием информационно-телекоммуникационной сети «Интернет», а также документы, подписанные электронной подписью или иным аналогом собственноручной подписи. И одним из оснований для принятия таких документов (наряду с другими) является наличие соглашения сторон. Например, в практике российских предпринимателей широко распространены договоренности о направлении при помощи факсимильной или электронной связи разнарядок на поставку отдельных партий товаров.

2. По делам об оспаривании решений третейских судов и о выдаче исполнительных листов на принудительное исполнение решений третейских судов используются только прямо указанные в законе документы. Суд не знакомится со всеми материалами рассмотренного дела [5, с. 138]. Как исключение из этого правила суд может истребовать из третейского суда материалы дела, но по ходатайству обеих сторон (ст. 420, ст. 425 ГПК РФ 2002 г.; ст. 232 и ст. 238 АПК РФ 2002 г.). Т. е., несмотря на отсутствие в тексте закона прямого указания на соглашение сторон, для достижения юридически значимого результата требуется ничто иное, как согласование их воли и доведение результата такого согласования до сведения суда.

3. Ч. 4 ст. 5 Федерального закона РФ от 27 июля 2010 г. № 193-ФЗ «Об альтернативной процедуре урегулирования споров с участием посредника (процедуре медиации)» предусматривает, что истребование от медиатора и от организации, осуществляющей деятельность по обеспечению проведения процедуры медиации, информации, относящейся к процедуре медиации, не допускается, за исключением случаев, предусмотренных федеральными законами, и случаев, если стороны не договорились об ином. Данное положение логично подытоживает содержание ч. 1–3 цитируемой статьи, которые также ставят необходимость сохранения конфиденциальности информации, относящейся к процедуре медиации, в зависимость от соглашения сторон. И казалось бы, что при наличии такого соглашения свидетельские показания медиатора логично рассматривать как допустимое средство доказывания [6, с. 144]. Однако по неясным причинам действующее процессуальное законодательство не отражает данное проявление принципа конфиденциальности. Ч. 3 ст. 69 ГПК РФ и ч. 5.1 ст. 56 АПК РФ содержат императивное правило о том, что медиаторы не подлежат допросу в качестве свидетелей об обстоятельствах, которые стали им известны в связи с исполнением обязанностей медиатора.

Представляется, что указанное противоречие действующего законодательства, а также иные подобные противоречия возможно будет устранить по мере развития теоретического представления о понятии и значении процессуальных соглашений в гражданском судопроизводстве.

Список использованных источников

1. Елисеев, Н.Г. Процессуальный договор / Н.Г. Елисеев. – М.: Статут, 2015. – 368 с.
2. Брановицкий, К.Л. Процессуальный договор в доктрине гражданского процесса ФРГ / К.Л. Брановицкий // Арбитражный и гражданский процесс. – 2010. – № 12. – С. 30–32.
3. Кадье, Л. Соглашения относительно процесса во французском праве (о контрактуализации разрешения споров) / Л. Кадье // Российский ежегодник гражданского и арбитражного процесса. – 2007. – № 6. – С. 167–183.
4. Васильев, С.В. Гражданско-процессуальный договор: за и против / С.В. Васильев // Цивилистический процесс: основные проблемы и тенденции развития / Материалы междунар. науч.-практ. конференции, посвященной 90-летию со дня рождения доктора юридических наук, профессора, Заслуженного деятеля науки РФ М.А. Видука (1 окт. 2012 г.) / под ред. А.И. Зайцева. – Саратов: Наука, 2012. – С. 77–81.
5. Носырева, Е.И. О функциях суда первой инстанции при рассмотрении гражданских дел / Е.И. Носырева // Российское правовое государство: итоги формирования и перспективы развития: в 5 ч. Часть 2: Гражданское, гражданское процессуальное и арбитражное процессуальное право: материалы Всерос. науч.-практ. конф. Воронеж, 14–15 нояб. 2003 г. / под ред. Ю.Н. Старилова. – Воронеж: Изд-во Воронеж. гос. ун-та, 2004. – С. 131–141.
6. Фильченко, И.Г. Влияние принципа конфиденциальности процедуры медиации на доказывание в гражданском процессе / И.Г. Фильченко // Развитие медиации в России: теория, практика, образование: сб. ст. / под ред. Е.И. Носыревой, Д.Г. Фильченко. – М.: Инфотропик Медиа; Берлин, 2012. – С. 138–145.